

Н.И. Фомин

Стенька Разин

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.И. Фомин**
Стенька Разин / Н.И. Фомин – М.: Книга по Требованию, 2021. – 65 с.

ISBN 978-5-458-10891-1

Историческая повесть из времен царствования царя Алексея Михайловича с приложением современных исторических актов и грамот. Москва : типография А. Семена, 1836.

ISBN 978-5-458-10891-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Предисловіе.

Въ нашъ вѣкъ историческихъ романовъ, повѣстей и записокъ (Mémoires), всякое изысканіе и изслѣдованіе историческаго явленія, почему либо замѣчательнаго, заслуживаетъ особенное вниманіе. Современники убѣдились наконецъ, что самыя важнѣйшія событія міра происходятъ часто отъ причинъ, весьма незначительныхъ. По этой причинѣ, нынѣ стараются изслѣдовать и опредѣлить историческіе факты съ малѣйшими, тончайшими подробностями, дабы будущій прагматическій историкъ могъ найдти уже совершенно приготовленные матеріалы, богатые и разнообразные, полные и вѣрные, неприспрасные и очищенные спорого историческою крипикою отъ прибавокъ бесполезныхъ, отъ измѣненій вредныхъ и лживыхъ.

Избравъ предметомъ повѣсти моей жизнь Спешки Разина, ^Б опаснаго въ свое время

разбойника Волжскаго, я имѣлъ цѣлю нарисовать картину той эпохи царствованія Царя Алексѣя Михайловича, въ которую всѣ почти Низовыя Губерніи препетали опъ буйства и грабежей Разина, — хотѣлъ выславить въ наспоющемъ видѣ народный духъ того времени, степень тогдашняго просвѣщенія, тогдашніе нравы, привычки, образъ жизни. Съ эшимъ намѣреніемъ, я пользовался сказаніями современниковъ, грамапами и другими историческими актами и докуменпами, которые только могли бытъ мнѣ доступными. Нигдѣ не измѣнялъ я преданіямъ; нигдѣ не вводилъ любви, какъ пружины романовъ, недоспойной исторіи. Я хотѣлъ нарисовать картину красками Исторіи, а не красками воображенія.

Просвѣщенные чипапели будущъ судить, вполне-ли я достигъ своей благонамѣренной цѣли?

Н. Оминь.

Э П И Г Р А Ф Ъ :

Люблю читать эти обложки въковъ, переживающіе всѣ
спрасни, всѣ отношенія людскія, эти льнописи и хлад-
ныя харції, гдѣ сохраняется мгновенно пролетающей,
измысливый говоръ современниковъ!...

II.

Темна, мрачна нѣмая даль,
Темный, мрачный его печаль!...

На берегу Волги, около огня, небрежно размѣпавшись на войлокахъ и армякахъ, пировали разгульные поварищи. Ихъ мрачныя и дерзкія лица, освѣщаемыя пылающимъ коспромъ, и куча оружія, соспоящая изъ широкихъ ножей, рогапинъ, ружей и киспеней, краснорѣчиво сказали бы каждому о промышлѣ эшой вапаги.

Казалось, что сами демоны, оспавя подземныя жилища свои, хопѣли успрашишь землю несслыханными разсказами злодѣяній, опъ копорыхъ могло бы ужаснушья все человѣчештво!... «Гей! вина!» закричалъ одинъ изъ удалцовъ.

«Выкапывайше бочки изъ погребовъ, не оставляйше ничего!...»

Сильное дѣйствіе имѣли слова его, все вдругъ закипѣло, разсыпалось по споронамъ, и будно

провалилось сквозь землю. Не прошло часа — и на берегу Волги появилось множество бочекъ. «Все-ли шумъ, ребяпча!» сказалъ Эсаулъ, «не оспалось ли вина въ погребяхъ? . . . Все! . . . повшорило нѣсколько голосовъ. . . . «Ну! теперь повеселимся послѣднюю ночь, остававшаяся намъ здѣсь больше невозможно; убѣжище наше открыто: нищій сегодня упрямъ увѣдомилъ меня, что насъ преслѣдуетъ команда. Начинай-те-жь маршовское пиво! опоражнивайше любую бочку вина! живѣй! удалѣй!»

И буйная вахага бросилась къ вину, выбила у бочекъ верхнее дно и началась пошѣха—кто черпаешь ковшомъ, кто шапкой, кто ендовой. «А шпо, брашцы» сказалъ бывшій Новгородскій мѣщанинъ, «не худо бы на послѣдяхъ-то повеселились по нашему? . . .»

(Одинъ изъ толпы). А какъ у васъ веселятся?

(Новгородецъ попягивая вино изъ ендовы). Всѣ шакъ веселятся, что диво да и шолько. Бывало какъ заберемъ въ кружало на Славянскій конецъ, шумъ-по и пойдешъ разгулье и пошѣха! Виномъ и пивомъ хопъ окачивайся. Деньга у всѣхъ была привольная, шакъ никшо и не жалѣлъ ее. Чего хочешь, шого бывало и просишь: ѣшь, пей!—не хочу! А какъ запянемъ пѣсню, шакъ народъ и хлынешъ со всѣхъ пани концовъ Новгородскихъ.

Бывшій козакъ. Полно хваспашь, спружка негодная, знаемъ мы вашу бранью, плошниковъ, копорые все шакали, да Новгородъ прошакали.

Новгор. А знаешь-ли ты, Донская собака, что наши удалыя дружины не боялись грозы Московской: по и дѣло пускались внизъ по Волгѣ; куда пришли—пушь и госпи: въ Коспрому-ли, въ Ярославль-ли, въ богашую-ли Аспрахань, вольница Новгородская не прусишь! Давай се-ребра и золопа, выкашывай бочки годовалаго меда, а какъ дойдешъ до распашы, по разсипывалися желѣзомъ, да калеными спрѣлами.

Бывшій послушникъ. И всё пошѣхи и разгулье прошло какъ бредъ горячки.

Бывшій мѣльникъ. Вошь-те на! и другой понесъ околесную.

Бывшій послуш. О сыны челоувѣческіе! какъ можете вы ввѣряться міру? или вы не знаете, что оно жилище непрочное и скоропроходящее?

Бывшій подъягій. Въ силу сего вышерѣченнаго, не пора-ли намъ, бранцы, опіеода убирашься; того и гляди, что команда нагрянетъ какъ снѣгъ на голову. Я самъ перъ лямку въ Спрѣлецкомъ Приказѣ, по и вѣдаю всё пункшуально: понеже мы люди казуснаго промысла, сирѣчь разбойники, по и подлежимъ суду и справѣ.

Есауль, подходя къ полупьяной вапагѣ и обращаясь къ подъячому: Ахъ, пы, чернильная гуца, на дележку пы первый, а какъ дойдешь до расправы, пакъ шого и смопри, что онъ первый навосприпъ лыжи, а тамъ глядя на него и прочіе. Я, брапъ, эшого не люблю; ребяпа! бросше его въ огонь, чтобъ онъ шамъ хорошенько проусарился; авось шогда забудешь бояшья огня и смерши: худая шрава изъ поля вонъ! Разбойники кинулись на подъячаго и поволокли его къ пылающему коспру.

Бывшій подъягій. Опцы родные! пушпше душу на покаяніе! мало-ли что пакъ говорпшся; пошомъ обращаясь къ Есаулу, бапюшка, Селулянь Кузьмичъ — дай еще разъ посмопръшь на бѣлый свѣпъ, вѣдь не я-ли тебя спасъ опъ пешли, не забудь хошъ спарой выслуги! помилуй, опецъ родной.

Есауль. Ну пушпше его, ребяпа! чортъ съ нимъ. Смопри-жь, зелье прокляпое, эшо шебъ спускается въ первый и въ послѣдній разъ! Подъячій повалился въ ноги Есаулу, произнося жалобно: въ вѣкъ не забуду швоей милоспи, опецъ родной. Эхъ вы, пшашки перелешныя! молодья! не опышныя! не видали вы еще черныхъ дней; не видали вы быспраго полеша янова сокола, пакъ говорилъ Есауль, собравшейся въ кружокъ около него вапаги. Слушайше-жь, я вамъ

разскажу то, что мнѣ самому спарики разсказывали :

Не помню, въ какомъ году было это, но знаю только, что въ царствованіе Бориса Годунова, передъ наступающимъ въ Москвѣ голодомъ; въ началѣ лѣта шли проливные дожди, всходы хлѣба быстро поднялись, колосья наливались; но вдругъ вся природа какъ будто бы омертвѣла. Въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль жара была спрашная, прохладный вѣтеръ не обвѣвалъ нивъ и полей; за симъ горемъ воспослѣдовалъ морозъ, и вмѣстѣ съ созрѣвающею жатвою испребилъ радостную надежду крестьянъ. Нивы, поля, лѣса почернѣли; казалось, что повсемѣстное пламя опалило всѣ земныя произрашенія. Первый годъ пишались запаснымъ хлѣбомъ. Съ наступившимъ голодомъ умножился развратъ и злодѣяніе; голодная смерть подобно моровому повѣтрію распроспраняла повсюду ужасы свои и поражала народъ. Въ эти бѣдственные дни, отцы оставляли дѣшей, мужья бѣжали отъ женъ; каждый думалъ только о самомъ себѣ, и никто не миновалъ общей опасности.

Скипавшіяся шайки, помимы голодомъ и порываемыя своеволіемъ, сославили сильную и опчаянную вагагу. Вскорѣ не только въ опдаленныхъ мѣстахъ, но и подъ Москвою не лзя было ни проходитьъ, ни проѣзжать безопасно.

Начальникомъ эпои вапаги былъ ашаманъ Хлопко, опважный, предпримчивый и, можешь бышь, льспившійся поколебашь владычество Годунова.

Сколько Царь Борисъ ни спарался усмирить вольницу, а Хлопко съ своей шайкой не уни- мался, шумѣль, какъ молодая брага, и далеко просширалъ свои замыслы.

На пиры и веселья Хлопки не заглядывала смерть голодная, славно поживалъ онъ за Москвой бѣлокаменной; дворъ былъ у него на семи верспахъ, и гридница была бѣлодубовая, спѣны ея были покрышы сѣдымъ бобромъ, по- шолокъ чернымъ соболемъ. Тамъ-шо, за широ- кимъ дубовымъ споломъ часпо бражничалъ аша- манъ Хлопко съ своими ясными соколами. Въ переднемъ углу его гридницы споялъ деревян- ный шкафъ, коего распахнушыя дверцы обраща- ли на себя взоръ каждаго — опшуда сѣили зо- лопые и серебрянные кубки, чары, пагары и брапины, цѣлыя кипы сукна и шелковыхъ шка- ней раскиданы по лавкамъ, на окнахъ въ без- порядкѣ спояли золопые подсвѣчники и цер- ковные сосуды; зеркала безъ всякой правильно- сти висѣли на спѣнахъ; множеспво ружей и писполешовъ, оправленныхъ въ серебро, свѣпи- лѣлись на деревянныхъ гвоздяхъ — все говори- ло про смѣсь богатспва со скудоснїю, чиспо- ны съ неопряшноспїю. Закопшѣлая подешавка доказывала, што гридница освѣщалась лучиною,